

kaz, prośbę, namowę, zakaz, pozwolenie / M. Marcjanik. – Zielona Góra, 1980.

4. Chojak, J. Semantyka i składnia czasowników oznaczających reakcje słowne / J. Chojak. – Warszawa, 2006.

5. Danielewiczowa, M. Wiedza i niewiedza. Studium polskich czasowników epistemicznych / M. Danielewiczowa. – Warszawa, 2008.

6. Gugała, M. O wolitywności w połączeniach czasownika (nie) chcieć w zdaniach z subjektem nieosobowym / M. Gugała // Pojęcie – słowo – tekst. – Warszawa, 2008.

7. Janowska, A. Polak żyje w wolności. Wolność indywidualna i społeczna w polszczyźnie / A. Janowska // Humanizm w języku polskim. Wartości humanistyczne w polskiej leksyce i refleksji o języku. – Warszawa, 2011. – S. 266–294.

8. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

Список использованных сокращений

1. ISJP – Inny słownik języka polskiego / red. M. Bańko. Warszawa, 2000. T. II, s. 1036-1037.

2. SF – Skorupka, S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1977. T. II, s. 600-601.

3. SJPDor – Słownik języka polskiego / red. W. Doroszewski. Warszawa, 1967. T. IX, s. 1224-1225.

4. SJPSz – Słownik języka polskiego / red. M. Szymczak. Warszawa, 1981. T. III, s. 747.

5. SL – Linde, S. B. Słownik języka polskiego. Warszawa, 1814. T. VI, s. 283-285.

6. SW – Karłowicz, J., Kryński, A., Niedźwiedzki, W. Słownik języka polskiego / J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa 1919. T. VII, s. 684-686.

7. SWil – Zdanowicz, A. i in. Słownik języka polskiego / A. Zdanowicz i in. Wilno, 1861. S. 1886.

8. SWJP – Słownik współczesnego języka polskiego / red. B. Dunaj. Warszawa, 1996. S. 1241.

9. USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego / red. S. Dubisz. Warszawa, 2003. T. V, s. 164-165.

10. WSFJP – Müldner-Nieckowski, P. Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego / P. Müldner-Nieckowski. Warszawa 2003. S. 887.

ДОНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ НА ИНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

В. И. Супрун

Русская народная речь содержит в своем составе факты и явления, восходящие к ностратическому, праиндоевропейскому, праславянскому, древнерусскому периодам развития языка и собственно диалектные инновации. Большая часть единиц, используемых диалектоносителями, тождественны литературным, описываемым в толковых и этимологических словарях русского языка. Интерес представляют те диалектные факты и явления, которые отсутствуют в литературном языке, но сохраняют память о древнем состоянии общенародного и общеславянского языков. Рассмотрение диалектных единиц на фоне других славянских языках признаётся одной из важнейших задач системного и комплексного изучения русских говоров [Шелепова 2012: 46; Матанцева 1999: 3].

В чирских говорах, распространённых на территории бывшего Второго Донского округа (ныне Чернышковский, Суровинский, Иловлинский Калачёвский, Котельниковский, частично Клетский и Октябрьский районы Волгоградской области), отмечено фонетическое явление, называемое *щёканье*. Это процесс дезаффрикации звука [ч'], произношение его как [ш']. Существуют дразнилки, отражающие эту особенность произношения носителей диалекта: *Щириз рещку щирис Щир ф щирикахи ф щёрниньких щулоцках; Казацёк, пацём луцёк? – Как пуцёк, так питацёк* [СДГВО: 11]. Отметим, что в данных записях буква щ отражает краткий мягкий согласный [ш'].

Ранее, видимо, в казачьих говорах встречалась дезаффрикация твёрдого звука [ц], переходящего в [с], но ныне она встречается в лексикализованном виде в словах *свет* 'цвет', *свесь* 'цвести', *светок*, *светочек*, *светной*, *светастый*, *пустосвет*, а также отразилась в гиперизмах *царай*, *царайшко*, *царайчик* и в утраченном слове *цапог*.

Дезаффрикация отмечена также в говоре села Романовки Ольховского района Волгоградской области, обследованном

этнолингвистической экспедицией ВГСПУ в июле 2016 г. Она чётко проявляется у носителей старшего поколения (*пашаму, бышжи, тащили касу, пещки клали, ярашка, святюк*) и отражается в виде слабой смычки в аффрикатах [ч'] и [ц] у более молодых носителей говора (^мшай, ^мсвяты).

Подобное фонетическое явление отмечено также в курско-орловских говорах, в которых устойчиво встречаются щёканье и соканье (*щай, ущениса, куриса*) [РДМ: 44–45; РДК: 30–31]. Ярко отмечено соканье у так называемых саян, живущих в курско-белгородском регионе. Для характеристики их речи соседями использовалась дразнилка: *Куриса на улисе яйсо снесла* [Бузин, Егоров 2008].

В чём же причины проявления в русских народных говорах этого фонетического процесса? Такое же явление происходило в праславянском языке, но оно коснулось только звонких аффрикат. По первой палатализации звук [g] перед гласными переднего ряда переходил в [dʒ], а по второй и третьей палатализации он переходил в [dʒʲ], звук [k] соответственно в [č] и [c]. Тем самым в праславянском языке появились пары аффрикат по глухости и звонкости, наследующие соответствующие пары заднеязычных. Однако ещё в эпоху праславянского единства звонкие аффрикаты утратили смычку, превратились в простые [ž] и [z]. Утрата звонкой шипящей аффрикаты произошла, видимо, ещё в эпоху праславянского единства, до IV века после Рождества Христова, поскольку во всех славянских языках отмечен только простой шипящий звук на месте аффрикаты: рус., белор., болг., серб., макед. *жена*, укр. *жінка*, чеш., словац., хорв., словен. *žena*, польск. *żona*.

Звонкая свистящая аффриката имела иную судьбу. У восточных славян вторая палатализация проявилась не повсеместно, она не происходила или была утрачена новгородским говором: *къле* 'цел'; *хърь* 'серь, серое (некрашеное) сукно'; *къркы* 'церковь'; *хъде* 'седой'; *кътетъкъ*, на *Лугъ*; на *отрокъ*, *отроки*, *вѣжники*; *въдругъмь* и др. Исследователи отмечают, что в берестяных грамотах палатализация встречается только в церковной лексике. Как и в западнославянских языках, в новгородском говоре не произошла вторая палатализация в сочетаниях **kv*, **gv*: *гвъзда* 'звезда'; *къвт*

'цвет'. Третья палатализация непоследовательно отмечена у звонкого заднеязычного [g] и фрикативного [x] в местном имени *въхъ* 'весь', но последовательно отражается у [k]: *нелга* 'нелзя', *варлагъ*; *стагъ*; топоним *Вховежъ* < **Въховъдъ* 'Всевед'; но *отъць*, *мъсаць*, *задьница* [Галицкая 2004: 64–65; Зализняк 2004: 39–41, 45–47].

В истории церковнославянского языка имеется самый старый глаголический памятник – Киевские листки [Хабургаев 1986: 32]. Их связывают с деятельностью св. Мефодия и его учеников и относят к концу IX – началу X веков [Нимчук 1993]. В нём регулярно противопоставляются глаголические буквы *зело* и *земля*, в чём усматривают отражение звонкой аффрикаты [dʒʲ] буквой *зело* [Лопушанская, Супрун 1988].

О. Н. Трубочёв в одной из своих работ по этногенезу славян писал: «Тенденция к постепенному повышению звучности, впоследствии так ярко выразившаяся в гласном облике славянской речи, задолго до того проявила себя в праславянских консонантных инновациях (здесь – дезаффрикация)» [Трубочёв 2003: 50]. Именно в этом заключалось превращение аффрикаты [dʒʲ] в простой шипящий звук. Принцип восходящей (возрастающей) звучности, регулирующий последовательность друг за другом согласных в составе слога, требовал, чтобы в сочетании *смычный* + *фрикативный* первый звук исчезал [Старославянский 2008: 95], поскольку взрывной в этносознании древних славян воспринимался как более звучный и потому нарушал восхождение звучности. Аффриката содержала в своём составе дуприродность по способу образования: в начале стоит смычка, переходящая затем во фрикацию. Это нарушение возрастания звучности неизбежно привело к устранению начального эксплозивного элемента и превращения аффрикаты в простой звук.

Начавшийся в праславянскую эпоху процесс дезаффрикации нашёл своё продолжение в русских народных говорах в виде щёканья и соканья, полного устранения из фонетической системы согласных, представляющих собой в одном звуке слитноесочетание смычного и фрикативного элементов и тем самым нарушающих основополагающий принцип

построения слога в славянских языках. Так древний фонетический толчок, происшедший в славянской фонетической системе не позже III века по Р.Х., живёт в русской народной речи в наши дни.

Существует логичная система фонетических преобразований в праславянском и диалектном языке:

Заднеязычные взрывные	Аффрикаты	Дезаффрикация праславянская	Дезаффрикация диалектная
*g	dʒ'	ж'	–
*k	tʃ'	–	ш'

Этот процесс затронул также в древности нарушавшие принцип восходящей звучности звукосочетания взрывной + фрикативный, в которых могла возникать как промежуточная стадия аффриката, которая затем утрачивала смычный элемент и превращалась в простой фрикативный звук, отдавая при этом энергию предшествующему гласному, который удлинялся: *vedsŭ > vetsŭ > vetʃŭ > véʃŭ > ВѢСЬ; *čitsŭ > čitʃŭ > čisŭ > ЧИСЬ; *reksŭ > rekxŭ > rekʃŭ > réxŭ > РѢХЬ; *peksŭ > pekxŭ > pekʃŭ > réxŭ > ПѢХЬ (примеры образования 1-го лица единственного числа сигматического аориста от основ на согласный). Как отмечалось выше, О. Н. Трубачёв предполагал, что этот процесс происходил намного позже дезаффрикации [Трубачёв 2003: 50].

Звукосочетания	Аффрикаты	Дезаффрикация	Славянская буква
*t + s	tʃ	s	с
*k + x	kʃ	x	х

В донских диалектах отражаются древние морфологические формы и инновации, характерные для различных славянских языков. Глаголы в 3-м лице единственного и множественного числа настоящего-будущего времени в донском говоре, как и во всём южнорусском наречии, имеют в конце *-ть*, чем они совпадают с аналогичными формами украинского и белорусского языков: *ходить* – *ходить* – *ходзіць*; *ходятъ* – *ходятъ* – *ходзяць*. Донское окончание родительного падежа множественного числа 1-го склонения существи-

тельных *-ов/-ев*, фонетически [-аф/-иф/-ыф] (*бабаф*, *грушыф*, *книгаф*) совпадает с белорусским литературным *-оў/-аў* (*соснаў*, *вёснаў*, *бязрозкаў*) [Ломтев 1956: 71].

Диалекты позволяют увидеть особенности развития праславянской фонетики, происхождения отдельных звуков и процессов, морфологические преобразования. Но в большей степени праславянское прошлое и межславянское взаимодействие проявляется на лексико-семантическом уровне. Благодаря обращению к родственным славянским языкам и их диалектам мы можем обнаружить происхождение донских лексем и, наоборот, сделать предположения об этимологии слов общенародного русского языка и других языков славян.

На Дону широко употребляется название паслёна *бзника*. Этот народный фитотермин является интердиалектизмом, он известен во многих русских говорах. В народном сознании это слово постепенно стало связываться с корнем *бзд-*: В. И. Даль включает его в статью *бздюха*, в которой находится слово *бздюх* 'хорёк, хорь, вонючий зверёк', и намекает на диспептические явления, паслёном вызываемые: «ягоды его съедомы, приторно сладки и слабят» [СД/1: 56]. Отталкиваясь от этого намёка, М. Фасмер уже непосредственно связывает слово *бзника* и пр. с глаголом *бздеть*, «поскольку ягоды действуют как слабительное» [ФЭС/1: 163]. На эту связь намекают и народные преобразования фитотермина: *бздика*, *бздника*, *бздюка*, *бздюква*, *бздуника*; слово фиксируется в источниках с 1849 года, оно отмечено в курских, брянских, орловских, тамбовских, рязанских, волжских, саратовских, самарских, ростовских, пермских, кубанских говорах, на Тереке, Урале, Иссык-Куле, в Сибири [СРНГ/2: 287–288], на Алтае [СРГА/1: 65]. В одном из контекстов указывается, что ягоды «при употреблении вызывают рвоту и понос», но в большей части контекстов никаких отрицательных последствий от употребления паслёна не отмечается: *Мы бздюку ели, поспела уж, сладкая; Бзники наелся; Бзника на пирожки идёт; Бзника, ребята едят ягоды* [СРНГ/2: 287–288].

Пытаясь оторвать происхождение слова от «неприятного» глагола, носители диалекта преобразуют название растения

в *позника, поздника, пазника* [СРНГ/25: 147], намекая, что ягоды созревают поздно, хотя на самом деле паслён начинает зреть уже в июле, но продолжает давать ягоды до октября. Возможно, что таким же преобразованием более «приличным» словом является название паслёна *псинка* [СД/3].

На Дону слово *бзника* распространено повсеместно, является живым, хотя носители знают и литературное название растения: *Бзнику сабирать ниудобна, анна мелкая, зато варенья с ниё какая фкусная. Бабаня, ты бы пирашкоф з бзникай напякла, а? Пади сабяри бзники за балкай. Ис теста пякли пирашки з бзникай. Па картошки в агароди бзники многа. Вареники з бзникай наделать. Бзнику аставляли на бахчах, на ней плились арбузы. Сушыли бзнику, варили варенье. Пираги чинили бзникай. В вайну и цувей, и жылутки, и бзнику ели. Бзники у нас тожахватаить. Ягатки у бзники, как у сымародины. Пираги з бзникай очинь фкусныи. Кисляю наворим ис фруктаф и взвар из бзники – эт паслён мы так называли. Бзники набирёш и пирохделаши. Вот бзнику и ели. Звар и щасворим: вышню, бзнику туда. Он бзникай забелить тыклу. Бзника – анна синяя, паслён называицца. Известно и отрицательное воздействие паслёна на организм: *Как только бзники паем, так только успяваю да уборнай дабижать, а адин рас и ни успела. Это слово отмечено и у донского писателя Б. П. Екимова: «А прежде лакомились тютюной, паслёном-«бзником» да грушами-«черномьясками»* (Б. Екимов. *Возле дерева*) [СДГВО: 42].*

Однако в русских говорах существует также вариант *базника*, отмеченный на Урале [СРНГ/2: 50], который позволяет поставить под сомнение этимологию народного фитотермина. Ещё больше убеждают в том, что диспепсия в этом названии ни при чём, родственные названия растений, широко распространённые в славянских языках. Если мы предположим, что исходный славянский корень имел чередование гласных в корне, то есть выглядел как *bŭz-/bŭz-/bouz-, то можно найти названия растений с закономерным рефлексом *ъ* в современных славянских языках и их диалектах: белорус. *боз* [Кучук, Малюк 2000: 11], рус. *боз* [СД], чеш. *bez* ‘сирень’, *černý bez* ‘бузина’, словац. *bez* (турецку) ‘сирень’, польск. *bez* (biały, ogrodowy, turecki) ‘сирень’, *czarny*

bez ‘бузина’, н.-луж. *bez*, серб. *баз*, хорв. *baz*, болг. *бъз* ‘бузина’, словен. *bezeg* ‘бузина’, *bezgovina*, *bezgôvje*, *bezgôves*, *zôboves*, *buzovina*; *buzgovina* (первая фиксация *besg* 1592 г. [Bezljaj1977: 19]), *španski bezeg* ‘сирень’[SRS].

В слабой позиции *ъ* выпадает не только в рус. *бзника*, но и в серб. *бзова*, в косвенных падежах польского, хорватского и сербского слов: *bzu*, *bza*, *бза* [Brückner1970: 22, Skok 1988: 125]. Широко используется этот корень в чешских топонимах *Bzenec*, *Bzenica*, *Bzova*, *Bzovík* [VT: 154], которые свидетельствуют о падении редуцированного, хотя в современном языке формы косвенных падежей сохраняют корневой гласный: *bezu* [VT:76]. На территории распространения сербского и хорватского языков (с боснийским и черногорским вариантами) происходят различные фонетические процессы в слове: а) отпадение начального *b* (*zova*, ср.: *pšenica* > *šenica*); данное явление строится на упомянутом выше принципе восходящей звучности, который продолжал своё воздействие на звукосочетания и после падения редуцированных: взрывной *b* не мог стоять перед фрикативным *z*; б) метатеза (*zobovina*); в) протеза (*abzov*, *abzovina*, *obzova*), г) чередование *b* > *v* (*ovzovina*) (все примеры из [Skok 1988]). На Балканах отмечены топонимы от этих вариантов слова: *Bzovik*, *Zenica*.

Соблазнительно к апеллятиву *боз* возвести имя антского царя *Боза*, распятого вместе со своими сыновьями и семидестью антскими вождями [Седов 2003; Петрухин, Раевский 2004; Чернявский 2016]. Это имя вписывается в ряд фитоантропонимов *Берёза*, *Дуб*, *Калина*, *Малина*, *Рена* и пр., ставших впоследствии основой русских фамилий. Однако невозможность установления первоначального звучания этого имени (оно записывается как *Бож*, *Бус*, ср.: *время Бусово* в «Слове о полку Игореве») не позволяет считать эту этимологию убедительной.

В сербском языке существует также название *база* с финалью *-а*, которое, видимо, было заимствовано словаками (*baza* ‘бузина’), поскольку объяснить корневой звук на базе словацкого языка затруднительно. Заимствованием из польского является белорусское *бэз* ‘сирень’. Неясно происхождение серб. *боз* с восточнославянским вариантом главного

корня, н-луж. *bóz*, в.-луж. *baz*. Венгры, вероятно, заимствовали у славян название бузины *bodza*.

Фитотермины, восходящие к корню *büz-*, у славян не зафиксированы. У русских достаточно широко распространена фамилия *Бызов*, в состав Новокузнецка входит посёлок *Бызово*, название которого образовано от этого антропонима, в Чехии имеется поселение *Byzhradec*, однако отсутствие апеллатива с гласным *ы/у* в корне не позволяет достоверно отнести эти имена собственные к данному корню. В русских диалектах имеется слово *быз*, *бызы* 'навязчивая лесь', 'плакса', 'день 13 июня', 'плакса' [СРНГ/9: 387], которое могло стать основой для антропонима.

Зато весьма широко представлен у восточных славян корень с дифтонгом; к нему закономерно относятся рус. *буз*, *бузинник*, *бузник* [СРНГ/3: 253-255], рус., укр. *бузина*, белор. *бузіна*, укр. *бузок* 'сирень'. Имеются подобные название и у черногорцев: *buzovina*. Донскими диалектами заимствовано из украинского языка название сирени *бузок*: Баушка гварила: *Ну, и бузок у вас вымахал! А буска энтава у нас за акном многа*. В бойковском диалекте украинского языка встречается название паслёна *бузюк* [Матіїв 2013: 45].

А. Брюкнер относит слово к праславянским, предполагая, что название бузины было дано по сильному запаху и связано с *bǫdzie*, но отсутствие варианта с начальным *p-* заставляет его сомневаться в этой этимологии [Brückner 1970: 22]. П. Скок, с одной стороны, отмечает, что уже в праславянскую эпоху корень был расширен с помощью финали *-d* и стал связываться с глаголами *bazditi*, *paziti*, что отражало сильный запах, издаваемый бузиной, а с другой, – появилось расширение финалью *-g* (прежде всего в словенском языке и в диалектах хорватского языка), благодаря которому возникли формы *bezeg*, *bazag* (косвенные падежи *bazga* и др.), *bazgovina*, *bazgovica*. Из-за частого симбиоза бузины и бука в лесах учёным высказывается предположение, что названия этих растений этимологически связаны, перенос осуществляется на основы синекдохи. Они восходят к **bhugo* (<**bhāug-*, **bhoug-*), как и курдское *büz* 'вяз', нем. *Buche*, лат. *Fagus*, дорийское *φαγος* 'дуб' [Skok/1]. Сходной точки зрения придерживается М. Фасмер [ФЭС/1]. Словенский эти-

молог Фр. Безлай усматривает в корне палеоевропейский субстрат [Bezljaj 1977: 19].

Возможно, однако, и другое этимологическое решение: в романских языках имеются слова порт. *baga*, исп. *baaya*, ит. *bacca*, фр. *baie* 'ягода', которые соответствуют сатемному корню **büz-*. В голландском языке отмечено слово *bes* 'ягода, обычно смородина'. Вспомним, что бузина и паслён имеют схожие ягоды тёмно-синего, почти чёрного цвета. Труднее объяснить причины объединения в одной корне названий сирени и бузины. Мелкие душистые цветки бузины окрашены в кремовый или бело-жёлтый цвет, тогда как сирень первоначально имела фиолетовые, лиловые цветы, поэтому этот цвет в европейских языках образован от фитотермина: англ. *lilac*, голланд., шв. *lila*, дат., норв. *lilla*, фр. *lilas*, исп., каталан. *lila*, ит. *lilla*, порт., галис. *lilás*, румын. *lilias*. О цвете цветков напоминает также русское *сиреневый*, исландское название сирени *ffólublár*, буквально 'фиолетово-синий'. Можно предположить следующий путь семантического развития корня **büz-/büz-/bouz-*: 'ягода обычно тёмного (тёмно-синего, фиолетового) цвета' > 'растение с ягодами тёмного цвета' > 'растение с цветами фиолетового, лилового цвета'. Возможно, что произошла контаминация двух индоевропейских корней

В донских говорах встречается многозначное слово *кила*. Оно номинирует не только болезненное состояние органов тела, их повреждение, но и отражают древние магические воззрения. Первое его значение 'болезнь, выражающаяся в выпадении органов под кожу или в другие ткани; грыжа', однако уже в контекстах к этой дефиниции отмечается возможность совершения магических действий: *Килу загаваривать нада-та. Бабушка умела загаваривать ат килы*. На Дону устойчиво употребляется слово *кила* в значении 'нарыв или чирей, возникшие в результате заговора, колдовства': *Люди есть таким нихарошыи, килу вешают. Кила бываить ат наговораф. Калдуны сажают килу на глаза, как барадафки, килы называют. Ни хади к ним, кил насажают. У мяня такая кила была, ничаво врачи зделать ни смагли, пака бапку ни нашла. Калдун кил насажал, какии-та наросты, фсе скавала килами*. В 1852 г. врач Ф. Билев

характеризовал верховых казаков: «Все болезни, за исключением немногих, делятся у них на четыре класса: 1) от сибирки, 2) от глаза, 3) от порчи и 4) от насаживания кил (Ф. Билев. Описание Хопёрского округа) [СДГВО].

Отмечены устойчивые сочетания с глаголами, в которых описываются действия знахарей и колдунов: *напускать/напустить, вешать, пускать килу/килы* 'нашёптывая заклинания, призывать магическую силу для того, чтобы человек или животное заболели; наговаривать болезнь'; *сажать/насажать килу/кил* 'наговаривать/наговорить болезнь, наводить/навести порчу'. Выражение Кила сядь! употребляется как недоброе пожелание, запрещение что-л. делать, приказание замолчать: *Кила сять – проклятия такая* [СДВГО].

Это слово также является интердиалектизмом. В славянском мире эта лексема представлена практически во всех языках, но в некоторых ушла из активного словарного запаса. В русском языке она отмечена в большинстве говоров [СРНГ/13: 207–209], от него образовано много дериватов: *килан, килач, килица, киляк, килястый, киличница* и др. Лексема попала в словари литературного языка с пометами *нар.-разг.* [БТС: 427] и *разг.-сниж.* [СЕ/1: 960]. Второе значение, относящееся к болезни капусты, помечено как *спец.* [БТС: 427]. Литературным синонимом лексемы в первом значении является *грыжа*.

В сербском языке чаще встречается латинизм *hernia*, в хорватском отмечено также немецкое заимствование *bruch* [Skok/1]. Поляки используют созданный на базе своего языка термин *przepuklina*.

В белорусских говорах помимо слов *кіла, кілавы, кілун* [Цыхун 1993: 69], встречается лексема *кільчак* «хвароба языка у статку, калі у языку дзірка правалваецца, абозусім язык адпадае. Каб табе кільчак на язык» [Varlyha 1970: 54]. Последнее выражение весьма похоже на рус. *типун тебе на язык* с сходной семантикой и ситуацией использования.

Дериватами от этого корня в русских диалектах называют кастрированное, некастрированное и недокастрированное ('поросёнок с оставленным при кастрации одним яичком' [СРНГ/13: 212]) животное, половые органы животных и человека, ребёнка или детёныша животного с нарушен-

ным развитием половых органов: *Килун – рибёнак навараждённий, у каторава грыжа или ишо што, например, адна ячка есть, а другой нет* [СДГВО: 244]. Видимо, в силу таких контекстов слово кила воспринималось как низкое, близкое к обценному. Писатель и агроном-любитель В. П. Бурнашев (1810–1888) писал в своих записках: «Таким неблагопристойным словом называют мужики ту капусту, которая имеет кривой и самый маленький кочан с весьма малыми листьями» [СРНГ/13: 211]. От килы могут излечить только обладающие специальными магическими знаниями женщины, поскольку и возникает болезнь от колдовских сил.

Славянское слово **kyla* обнаруживает родственные связи в греческом (κίλη, κάλη), др.-в.-нем. *hola*, албан. *kule* [Skok], литов. *kūla* [ФЭС/2: 232], латин. *culus*. Эти слишком явные и простые связи у А. Брюкнера вызывают сомнение в их достоверности [Brückner 1970: 230].

Чаще всего кила появляется во рту, на глазах и в паху – «стыдном месте». В донском диалекте нами было обнаружено «запретное слово» *шул* в контексте с этой болезнью. Информантка сообщила: «На шулу тожа килы бывають» [СДГВО: 678], но на все попытки выяснить у неё значение слова шул следовал отказ. И только на славянском языковом фоне можно определить значение лексемы. В словацком и чешском языке используется просторечное слово *šulín* 'мужской половой орган'. В диалектах русского и белорусского языков используется слово *шулята / шуляты* 'тестикулы', у которого не обнаруживается убедительной этимологии [ФЭС/4: 486]. С этим словом связано (с чередованием плавных *l/ŕ*) чеш. *šourek* 'тестикулы' [VT: 1466]. В сербском языке отмечено слово *šuljevi* 'геморойды' [Skok/3: 422]. Можно сравнить диалектное слово шул с рус. *шула, шуло*, укр., белор. *шула* 'столб в заборе', сербским *шуль*, хорватским *šulj* 'бревно, пень, колода', ср. современный русский эвфемизм *палка*. Однокоренные слова обнаруживаются в литов. *šūlas* 'столб, косяк', др.-прусс. *sulis* 'стойка', греч. *ξύλον* 'дерево, брус, палка' и др. [ФЭС/4: 485]. Впрочем, возможно, что речь идёт о двух омонимичных корнях.

Донские диалекты содержат слова не только общеславянского и собственно русского происхождения, но и заимство-

вания из других славянских языков, не представленные в литературном языке. В связи с постоянными контактами донских казаков, особенно низовых, с представителями украинского народа, в т.ч. с запорожскими казаками, в донских говорах имеется немало украинизмов: *байдюже, драбина, жменя, заевый, зараз, нехай, трохи, шлях, скель, скельник* и др. [БТДСК: 10; Флягина 2015]. Некоторые из них пришли в украинский из польского: *пан, лан*.

Однако есть и непосредственное заимствование в донском казачьем диалекте польского слова. Связано его появление у казаков с их контактами с поляками. Во второй половине XIX века донские казаки участвовали в подавлении польского мятежа, в Польшу прибыли семь донских казачьих полков для помощи 10 пехотной стрелковой дивизии. Казаки были расквартированы в польских городах; они продолжали выполнять полицейские функции вплоть до революции в России, контактируя с местным населением, участвуя в культурной жизни страны [Песни 1900]. Хотя в целом польское общество было отрицательно настроено по отношению к казакам, местные дамы статным и красивым воинам с Дона нередко относились с благосклонностью. Прежде всего охотно знакомились с казаками женщины, у которых мужья были на военной службе. Их по-польски именовали *żolnierka* 'солдатка' [БПРС: 1335]. Это слово казаки принесли с собой на Дон, преобразовав его на свой лад (аканье, лабиализация, диссимиляция, метатеза): *жалмерка, жармелка, жалнерка, жалмёрка, жалнёрка, жармёлка* 'солдатка; жена казака, ушедшего на службу' [СДГВО, СРНГ]. Слово хорошо прижилось в донском диалекте, приобрело новые значения и коннотации: 'женщина, не вступившая в другой брак после смерти мужа; вдова'; 'полная женщина'. Многие контексты указывают на свободное поведение жалмерок: *Ежели муж на службе, – думал Курдюков, ложась лицом в подушку, – жалмерке трудно утерпеть* (А. Серафимович. Ночной рассвет). *Самое критическое время для казачки настает тогда, когда муж уходит в полк и она остается «жалмеркой»* (Ф. Крюков. На тихом Дону). *Говорили больше о войне и беспорядках <...> Чаще о девках и слабых на твёрдокаменность жалмерках* (Е. Кулькин. Крушение). Способом обрат-

ной деривации (об обратной деривации см. [Шанский 1968: 291-295; Рихтер 1976; Соболева 1981: 21-27]), десуффиксации [Цейтлин 2009: 415] было образовано слово жалмер. В СДГВО имеется указание, что в говоре у этого слова было значение 'солдат', однако и в этом значении слово было образовано от суффиксального слова женского рода. Вслед за развитием значения у лексемы *жалмерка* и у мужского деривата появилась новая семантика: «мужчина, не вступивший в другой брак после смерти жены; вдовец», «неженатый мужчина, холостяк» и шутл. «мужчина, временно оставшийся без жены». Похожие значения имеются у лексемы жалмерщик, однако имеется и специфическое, обусловленное семантикой суффикса: 'любитель ухаживать за жалмерками, солдатками' (СДГВО).

Итак, материал донских говоров позволяет более детально и обстоятельно рассмотреть праславянские фонетические процессы, привести новые аргументы для истории и этимологии славянских слов. Рассмотрение донского говора на фоне других славянских языков позволяет объяснить происхождение диалектных слов, определить причины и пути их семантического развития. Лексические единицы диалекта могут заимствоваться из других славянских языков, при этом заимствование происходит как при непосредственном контакте с представителями соседнего народа (украинизмы), так и в результате сложных историко-политических процессов, приводящих к проникновению на Дон лексем удалённых в географическом отношении этносов (полонизмы).

Литература

1. Бузин, В. С. Субэтносы русских: проблемы выделения и классификации / В. С. Бузин, С. Б. Егоров // Малые этнические и этнографические группы: сб. статей, посвящ. 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса: Историческая этнография / под ред. В. А. Козьмина. – Вып. 3. – СПб., 2008. – С. 308-346.
2. Галинская, Е. А. Историческая фонетика русского языка / Е. А. Галинская. – М., 2004.
3. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – Изд. 2-е, перераб. – М., 2004.
4. Кучук, І. М. Палескі слоўнік. Лельчыцкі раён / І. М. Кучук, А. К. Малюк. – Мазырь, 2000.

5. Ломтев, Т. П. Грамматика белорусского языка / Т. П. Ломтев. – М., 1956.
6. Лопушанская, С. П. Использование глагола в Киевских листках / С. П. Лопушанская, В. И. Супрун // Acta Universitatis Palackianae Olomucensis: Facultas Paedagogica: Philologica, VI: Český jazyk a literatura, 7. – Praha, 1988. – S. 61–68.
7. Матанцева, М. Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Б. Матанцева. – Барнаул, 1999.
8. Матіїв, М. Д. Словник говірок центральної Бойківщини / М. Д. Матіїв. – Київ; Сімферополь, 2013.
9. Нимчук, В. В. Киевские глаголические листки / В. В. Нимчук. – Киев, 1993.
10. Песни донских казаков, пропетые хором песенников 6-го д.к. генерала Краснощекова полка в Варшавском Мариинском институте 25 февраля 1910 года. Варшава, [1910]. 8 с.
11. Петрухин, В. Я. Прокопий Кесарийский о склавинах и антах: история войн / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский // Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. – 2-е изд. – М., 2004. (Studiahistorica).
12. Рихтер, Г. И. Обратное словообразование в русском языке / Г. И. Рихтер // Проблемы словообразования русского и украинского языков. – Киев; Донецк, 1976.
13. Седов, В. В. Этногенез ранних славян / В. В. Седов // Вестник РАН. – 2003. – Т. 73, № 7. – С. 594–605.
14. Соболева, П. А. Асимметрия словообразовательных процессов и словообразовательных отношений / П. А. Соболева // Проблемы структурной лингвистики. – 1979. – М., 1981.
15. Старославянский язык: учебник для высш. учеб. завед. РФ / С. А. Аверина [и др.]. – СПб., 2008.
16. Трубачёв, О. Н. Этногенез и культура древних славян / О. Н. Трубачёв. – М., 2003.
17. Флягина, М. В. Об украинизмах в составе донской народной географической терминологии / М. В. Флягина // Известия ВГПУ. – 2015. – № 5(103). – С. 100–103.
18. Хабургаев, Г. А. Старославянский язык / Г. А. Хабургаев. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1986.
19. Цейтлин, С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи / С. Н. Цейтлин. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
20. Цыхун, А. П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну) / А. П. Цыхун. – Гродна, 1993.
21. Чернявский, С. Н. Анты. Загадка исчезнувшего народа / С. Н. Чернявский. – М., 2016.

22. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М., 1968.
23. Шелепова, Л. И. Лексика русских говоров Алтая на славянском фоне (по материалам «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая») / Л. И. Шелепова // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». – 2012. – Т. 11. – Вып. 9. – С. 46–50.
24. Bezljaj, Fr. Etimoloski slovar slovenskega jezika. Prva knjiga / Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Institutzaslovenskijezik / Fr. Bezljaj. – Ljubljana, 1977.
25. Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. – Warszawa, 1970.
26. Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 3 sv. / P. Skok. Zagreb, 1988–1973.
27. Varlyha, A. Krajowy słownik Łagojščiny / A. Varlyha. – NY, 1970.

Список использованных сокращений

1. БПРС = Гессен, Д., Стыпула, Р. Большой польско-русский словарь / Д. Гессен, Р. Стыпула. М.; Варшава, 1967.
2. БТС = Большой толковый словарь русского языка / сост. и ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 1998.
3. БТСДК = Большой толковый словарь донского казачества. Москва, 2003.
4. РДК = Русская диалектология / под ред. В.В. Колесова. Москва, 1998.
5. РДМ = Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. Москва, 1972.
6. СД = Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. И. Даль. Москва, 1955.
7. СДГВО = Словарь донских говоров Волгоградской области / Авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград, 2011.
8. СЕ = Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Т. I–III / Т.Ф. Ефремова. Москва, 2006.
9. СРГА = Словарь русских говоров Алтая / Под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. Т. 1–4. Барнаул, 1993–1998.
10. СРНГ = Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 2. Москва; Ленинград, 1966. Вып. 3. Ленинград, 1968. Вып. 13. Ленинград, 1977. Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. Вып. 25. 1990.
11. ФЭС = Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер. Москва, 1986–1987.
12. SRS = Slovensko-ruski slovar / Sest. dr. J. Kotnik. Ljubljana, 1950.
13. VT = Váša P., Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Praha, 1937.